

Нигелл Вирекер

«Зерцало глупцов» Нигелла Вирекера, как и «Изенгрим» Ниварда Гентского, имеет главным своим героем животное и использует многие мотивы животного эпоса. Но если поэма Ниварда была прежде всего юмористическая и сатира на монашество прослеживалась в ней лишь подспудно, то поэма Нигелла Вирекера — прежде всего сатирическая, и сатира против духовенства является в ней самым главным. Герой ее — осел Бурнелл, но живет он не среди животных, а среди людей, как человек, движимый вполне человеческими побуждениями — преимущественно, самого низменного порядка. У него короткий хвост, а ему хочется иметь длинный хвост подставить его ушам; чтобы читатель не сомневался в аллегорическом значении этого сказочного мотива, Нигелл торопится раскрыть его смысл сразу, в прозаическом прологе, обращенном к Вильяму Лоншанскому, епископу Элийскому: осел — это клирик, недовольный своей судьбой, а длинный хвост — это доходный пост настоятеля или епископа, который ему хочется приобрести.

Поэма «Зерцало глупцов», написанная элегическими дистихами и разделенная на короткие главки с особыми названиями, начинается беседой между ослом Бурнеллом и лекарем Галиеном; Галиен убеждает пациента не стремиться к тому, что ему не дано, а когда тот остается глух, прописывает ему разные редкие средства для удлинения хвоста — мраморный жир, гусиное молоко, волчий страх — и посылает его за ними в медицинскую столицу Европы, в Салерно. Там Бурнелл добывает у шарлатана пузырьки с нужными снадобьями и пускается в обратный путь; но под Лионом, проходя через имение цистерцианского монастыря, становится добычей сторожевых монастырских собак, теряет половину и того короткого хвоста, какой у него был, и едва не погибает, хотя и выдает себя за папского посланца. Потерю хвоста он желает возместить успехами в науках, отправляется в Париж изучать семь благородных искусств, живет там в английской студенческой колонии, ест, пьет и развращается вволю. За семь лет он научился только говорить «и-а», но зато преисполнился безмерным честолюбием. Сперва он мечтает стать епископом, потом — основателем нового монашеского ордена. Все существующие ордена его не удовлетворяют, и он собирается составить новый устав, выбрав из всех существующих уставов правила, обеспечивающие наиболее привольную жизнь (это — самая язвительная часть сатирической поэмы Нигелла; отрывки из нее переведены ниже). За одобрением нового устава он направляется в Рим, по дороге еще раз встречает Галиена и произносит перед ним пространную филиппику о

разгульной жизни духовенства; но не успел он закончить свою речь, как появляется прежний хозяин Бурнелла, от которого он сбежал, хватаят своего осла, комотит и навьючивает поклажей. Следует еще одно приключение, на этот раз с хозяином, при котором Бурнелл остается сторонним зрителем; и на этом поэма кончается.

Это лишь основная сюжетная линия. Она перебивается многими вставными эпизодами (например, рассказом о петушке, которому подбил ногу поповский сын и который отомстил за это тем, что не прокукарекал на заре в тот день, когда его обидчик должен был посвящаться в священнический сан, и лишил его посвящения). Написана поэма очень легким языком и стихом, со многими разговорными вульгаризмами и с неослабевающей сатирической едкостью, которая направляется то против салернских медиков, то против монахов, то против белого духовенства.

Не следует, однако, думать, что сатира Нигелла Вирекера направлена против духовенства и церкви как таковой. Он обличает лишь ту распущенность и вольность нравов, которая водворилась среди духовенства вследствие вульгаризации гуманистического духа XII в. и подрывала уважение к духовенству среди мирян. Это не столько критика, сколько самокритика. Сам Нигелл был монахом, а потом пресвитером в Кентербери, дружил с кентерберийским архиепископом Томасом Бекетом, убитым в 1179 г. («мученика Томаса мы видели своими глазами, ели и пили с ним...», — писал Нигелл), входил в кентерберийский кружок любителей науки, душой которого был Иоанн Сольсберийский. По живости некоторых описаний в «Зерцале глупцов» можно заключить, что он бывал и на континенте, во всяком случае — в Париже. Жил он приблизительно между 1130 и 1200 гг. Кроме своей сатирической поэмы, он оставил прозаический трактат, тоже обличительного содержания, «Против придворных клириков» (со стихотворным введением), стихотворное послание к епископу Элийскому, много монастырских стихов на разные предметы и случаи, два стихотворных жития и большой сборник легенд о деве Марии, изложенных элегическими дистихами. Так мы видим, что этот талантливый сатирик-гуманист был в некотором отношении предвестником того религиозного обновления, которое принесет с собою XIII век.

ЗЕРЦАЛО ГЛУПЦОВ

Угрызения Бурнелла

Вот и решил я: теперь к религии я обращаюсь,
2000 Чтоб невредимый мой дух был и силен и здоров.
И, чтобы старостью я искупил времена молодые,
 Надо о жизни своей мне бы подумать теперь.
Жизни оставшийся срок чтобы не был истрачен впустую
 Весь, хочу я его славным концом завершить.
Лучше покаяться поздно, чем вовсе не знать покаянья:
2010 Кто стыдится греха, должен раскаяться в нем.
Если утро иль день целиком туманными были,
 Ясным вечером пусть мрачный искупится день.

То, что посеяла плохо моя неразумная младость,
Расточая себя в буйном цветенье своем,
Дряхлая старость пускай, искупая грехи молодые,
Зрелым плодом соберет там, где соцветья цвели.
Цвет надежду тайл, но отцвел, истощилась надежда
На надежду, когда плод был еще не хорош.
Нет надежды на цвет, но на плод остается надежда
Все же покуда, что он пользу собой принесет.
2020 В деле столь явном нет ничего загадочней смерти:
Смерть открывается всем, в смерти скрываются все.
Средь человеческих дел смерть — самое общее дело,
В смерти у каждого есть свой особый удел.
В частных и общих людских делах, по сравненью со смертью,
Более частного нет, более общего нет.
Что же мне делать? Коль миру служить я усердно не стану,
Завтра скажет мне смерть: «Вот я! восстань и приди!»
Нет мне иного пути, обращаюсь к служению вере
И умоляю, пускай будет конец мой далек!

Мнение Бурнелла о различных существующих орденах

2030 Но существует на свете различное вере служенье:
Вот и не знаю пока, что же из них предпочесть.
Если под красным крестом в святые места я отправлюсь,
Богу исполнить обет за море тут же пошлют.
Вдруг окажусь я в плену и рабом я останусь навеки,
Может случиться, рабом ставши в Тирийском краю.
Все ж я пустился бы в путь не пешком, а на лошади быстрой,
Вскормленной тучным овсом, пяткам послушной моим.
Но похваляет устав того лишь, кто шествует пешим,
Шаткой ступает стопой, с вялою ленью бредет;
И запрещает устав гарцевать на лошади рысью,—
2040 Я не желаю устав строгостей этих лишать!
Воином стать я хотел бы, плащами разжиться в избытке,
Но чтоб вернувшись с войны, больше не шел воевать.
Иначе кожу мою на ремни башмачные пустит
Царь Саладин, а зверье кости обгложет мои.
Чей-нибудь острый меч мое брненное тело разрубит,
Кожу сдерет и предаст то, что осталось, земле.
Если ж я буду под белым крестом Иоанна святого,—
Тотчас погонят в Ливан древо святое добыть.
Я со слезами пойду, подгоняемый плетью треххвостой,
2050 Будет желудок мой пуст, точно скоблили его.
Много будет забот, а прав никаких, разве только
Хитрую ложь измышлять, слава мой орден и храм.
Если же раз и другой оступлюсь я, обеты нарушив, —
Вмиг меня выгонят прочь, крест с меня тут же сорвут.

О цистерцианских монахах

Ежели буду я белым монахом, они мне два блюда,
2090 Хоть и простых, но зато славно сготовив, дадут.
То ненавидят они, что и я ненавижу всем сердцем:
Видеть, как поле свое пашет крестьянин вблизи.
Алчность к акрам растя, ей класть не желают предела,
И для соседей своих чистая язва они.
Шерсть овец, молоко пастухи доставляют им вдоволь,
Но полагают они, что недостаточно все.
Нужно немного им, а они ко многому рвутся,
Вдоволь имея добра, терпят все время нужду.
2100 Праздности там они не позволят мне ни малейшей,
Но в послушничий срок будут отменно кормить.
Дело находят они для каждого, чтобы в безделье
Без трудов и забот не оставался никто.
Праздники редко у них из-за скудной их кухни бывают,
Розги же часты, и жизнь там вообще тяжела.
Мясо они едят, когда настоятель дозволит
Или когда снизойдет приор в своей доброте.
Так как устав не велит им мясо есть четвероногих
(Слишком оно тяжело — этим запрет объяснен),
2110 Мясо двуногих едят, кто бегают или летает,
Не потому, что вкусней, — реже гораздо оно.
Если готовят мясное — округа дымка не увидит,
И не узнает о том тоже никто никогда.
Только лишь съедено мясо — следов никаких не заметишь,
Не закричишь, что лежат кости зарытые здесь!
Три дают им туники и два им дают капюшона,
И получают они очень коротенький плащ.
Здесь никакие штаны не будут чинить неудобства:
Ночью в постели, далек будет пускай этот страх!
Не стесненный штанами, орган мой детородный
2120 Будет свободен тогда ночью, равно как и днем.
Только как же мне быть, если ветер неистовый южный,
Дунув, совсем оголит мне неожиданно зад?
Кто и с каким лицом позор сей выдержать смог бы,
Смог бы потом в монастырь снова направить стопы?
Если бы случилось со мной, что мой срам обнаженным видали,
Я бы не смог никогда в белых монахах ходить.
Впрямь, они бы могли для меня исключение сделать,
Чтоб не показывал я пестик, который ношу.
2130 Пестики юношей надо беречь от любых повреждений,
Также и мой: ведь и я отрок еще и юнец.
Части срамные чем больше, тем больше должны быть
закрыты —
Менее славным вещам должен быть больший почет.

Нужно ли срам прикрывать, или лучше открытым оставить,
 Сам решит каждый брат: кто прикрывает — умен.
 Только не делай другим, чего ты себе не желаешь,—
 Делай другому лишь то, что от него бы хотел.
 Братом должен быть брат не только по званью — на деле,
 Иначе имя его звуком пребудет пустым.
 2140 Многих братьев зовем понапрасну мы именем братьев,
 Ибо ведомо всем — недругов стоят они.
 Так как от братьев неверных премногие бедствия Павел
 Вытерпел, повесть о том он и в Послания включил.
 Многие беды, что есть, происходят от братьев неверных,
 Братья неверные — вот повод для всякого зла.
 Каждый будь осторожен с братом, ему ты не вздумай
 Помыслы доверять и упования свои.
 Верность средь братьев редка: хоть каждый
 в отдельности верен,
 Верность скрывая свою, станет коварным и сам.
 2150 Будет обманут равно и по крови брат и по духу —
 Каждый из них норовит брату обман учинить.
 Если ж тебе повезет найти настоящего брата,
 Станет он частью души, частью тебя самого.
 Столько ведь есть лжецов, столько хитрых, столько коварных,
 Что уж и миру всему их перечислить невмочь.
 Все они в монастырях, как дьявол в раю, обитают
 (Дьявол, известно, в раю права бывать не имел).
 Это меня и страшит, когда к пристанищу церкви
 Я стремлюсь, не поняв толком, куда я спешу.
 Может быть, ложен мой страх, охотно я этому верю,
 Но и напрасный ведь страх мучает сердце людей.

Новый орден

Сам с собой про себя размышляя об этом, не знаю,
 2390 Жизнь какую смогу впредь я избрать для себя.
 Но полагаю, однако, что было б мудрей и спокойней
 Мне самому учредить нового братства устав.
 Сделаю так, чтобы взять у каждого ордена то лишь,
 Что будет лучше всего, будет удобней всего.
 Имя свое в честь меня пусть орден новый получит
 С тем, чтобы имя мое ведомо было в веках.
 В меру резвых коней возьмем мы у рыцарей Храма,
 Чтобы и в этом устав был благосклонен ко мне.
 А чтоб на каждом шагу мне обманывать было сподручней,
 2400 Из уставов других разное взять я хочу.
 Если хочу я вкушать по пятницам жирное мясо —
 Братья-ключники для нас лучший покажут пример.
 А из уставов других мне вполне достаточно будет,
 Чтобы на ночь штаны мне дозволялось снимать.

Грандимонтанов за то, что очень много болтают,
Всею душою хвалю и принимаю для нас.
Картезианцам же в том надо следовать, я полагаю,
Что им за месяц одной мессы довольно вполне.
А у каноников черных возьмем обычай есть мясо,
2410 Чтоб лицемерным не стал чин, учреждаемый мной.
Премонстратам, считаю, мы следовать будем в привычке
В мягких туниках ходить, в теплый закутавшись плащ.
Орден первый таков, и он в раю был основан,
Бог его создал, и сам благословил он его.
Мы порешили, что тот навсегда сохранен будет орден,
Где когда-то отец с матерью были моей.
Весь мой род искони в этом ордене был, от него же
Род пошел и людской (коль разделились они).
А от святого союза тех жен, что себя посвятили
2420 Богу, я взял бы закон — пояса вовсе не знать.
Пояс широкий и узкий равно для меня неудобны:
Слишком плотно теснят жирное брюхо мое.
Да из уставов других еще кое-что переймем мы
В нашем уставе — для нас это удобно вполне.
Только не знаю пока, что взять у симплингов и сколько,—
Эта новая вещь будит сомненья во мне.
Но ни за что не приму одного в размышлении здравом,
Ибо считаю, для всей братии важно оно —
Не соглашусь, что нельзя встречаться братьям и сестрам,
2430 Кроме как тайно, тишком и никому не сказав.
Есть и еще кое-что, чего я пока не касаюсь:
После для этого мы лучшее время найдем.
Вот и все! Теперь нужна конфирмация папы —
Только. И нам он ее выдаст с готовностью сам.
Ибо тому, кто хлопочет о деле благочестивом,
Папа отказ никогда и ни за что не пришлет.
Стало быть, прежде всего я должен римского папу
И кардиналов его просьбой смиренной склонить.